
сколько нас, а Петербург один —
он стоит столпом, первоосновой:
потаённый, сумрачный, портовый,
мы его не знали молодым.

что же скажет он случайным нам —
понаехавшим, наприлетавшим?
хорошо быть северным и старшим,
хладны звёзды знать по именам?

он молчит. трактуем это так:
он вот-вот готовится ответить,
что-то крайне важное отметить,
победить периферийный страх

наш, и приласкать, и под крыло
всех пристроить, угостить шавермой...
это всё ошибочно, неверно —
но при этом на душе светло.

вот человек, вот лирика его.

а был далёкий предок человека —
не человек, а только существо
из волосатого какого века,
он страшный и зовётся гоминид,
а попадись стихи в его ручищи —
он взглядом их одним воспламенит
и палок, чтоб держать огонь, разыщет.

потом окажется, что селфи —
исконно русское словечко:
употреблял его Пётр I,
о жителях за шустрой речкой

в речах своих упоминая —
те после быстро обрусели.
спроси — почти не понимают
по селфскому — так, еле-еле.

тыква после хелловина
одинёшенька-одна:
ведь вторую половину
граждане забрали на

свой какой-то праздник дивный
и неведомый бахче.

друг сердечный, сердцевинный, —
далеко ль ты вообще?

друг оранжевый не сможет
более ответить ей:
лампу вставили под кожу —
светит вместо фонарей.

с треугольными глазами,
вызывающе щербат,
под прицелы фотокамер
пьяных попадёт ребят.

в двадцать два писал, как в шестьдесят —
не летуче, а тяжеловесно,
и вставлял довольно часто: «бездна»,
опасался — как там голоса?

я писал про фабрики, ларьки,
про заводы, русский путь суровый, —
будто бы в металл кипящий слово
опускал движением руки.

а теперь я вырос и пишу
в двадцать девять так, как нужно в двадцать,
чтобы можно было ошибаться,
с тёенькой иронией дружу.

привести пример вам? борода
собственная мне стихи щекочет,
словно за пределы строчек хочет
выскочить — а вот нельзя туда.

этих людей вырастил не вай-фай
им хорошо за тридцать а то за сорок
детство их красный замедлившийся трамвай
прежней эпохе дорог сейчас не дорог

этих людей вырастило «Кино»
всяких героев новых совать не надо
им всё равно на выскочек всё равно
и на прошивку тоненького айпада

этих людей можно позвать домой
выпить по рюмке в кухоньке кособокой
выйдут потом тёмной пойдут зимой
сумрачной верной сложной своей дорогой

я в литературу входил тяжело

лопата со мною была и кайло
кирка для той самой словесной руды
я влился наверно в ряды

я частью какой-то наверное стал
мне тридцать почти палиндромно латал
и рвал и латал стихотворную сеть
и надо куда-то взростеть

перевоплощаться не знаю в кого
кто знает вдруг это вот всё баловство
таблетка от смерти на несколько лет
а может быть всё-таки нет

косяшкой парной стану домино.
соединимся цифрами с тобою:
на несколько минут, но мы — одно,
и ничего, что рожи с перепоею

подобных нам остервенело бьют,
вот и тебя прилично обтесали.
но хорошо нам тут, пока мы тут:
с нас начали, и мы стоим в начале.

а вот когда окончится игра,
то разлучат, перемешают вновь нас
с подобными начальники двора,
но ты лежащей поперёк запомнись.

ящички почтовые грустят —
настоящие, а не е-мэйлы.
пусто-пусто много лет подряд,
если отместить на самом деле
за квартиру разные счета,
всякие газеточки со спамом.

жизнь начать бы с нового листа,
с доброго письма, сменить программу:
пусть приходит тонкий почтальон
с разными открытками и прочим.
ящички грустят со всех сторон,
интернет злорадствует, как отчим.

дурачок ходить продолжит,
если будем петь о нём.
этот день почти что прожит,
мы устали и уснём.

колыбельная завода:

засыпай, мой кислород,
спи, мой человек. и кто-то,
кто не спит, вот-вот уснёт.

колыбельная больницы:
спите, люди, без тревог
и светло, пусть вам приснится
настоящий, добрый Бог.

колыбельная проспекта:
спи, пятиэтажка, ведь
ты совсем, как человек. ты
тоже сможешь песню спеть.

все проснёмся — с новой силой
будем петь, не зная, как
ветер воет над могилой:
но не дурачок — дурак.

я знаю этот тип отличников-задир
тире тире пунктир тире тире пунктир
а я один из них рождённый в январе
пунктир пунктир тире пунктир Пуанкаре

да нет не глыба я на фоне важных глыб
но вписанный в контекст осведомлённый тип
курчавый снег пошёл и молодость прошла
я встал из-за стола такие вот дела

а жизнь а жизнь а жизнь сто тысяч синяков
особенно когда достаточно толков
и сам готов принять удар и вдарить сам
и не согнуться нет при этом пополам

я в городе живу жестоком,
смотрю с балкона: валит боком
сто раз подлатанная «Лада»
и, кажется, сама не рада.

за этой тачкой-понторезкой,
конечно же, водила дерзкий
при чётках, в кепке и в кожзаме,
додумывайте дальше сами.

я в городе живу забытом
и мог вполне быть этим типом —
водилой дерзким, но иначе
сложились цели и задачи.

пока мы все вокруг звереем,
я ежжу ямбом ли, хореем:

та-та-та-та и та-та-та-та —
несовременно, старовато.

о поколенческих вещах
скажи, покуда не зачах —
как дедушки сказали б наши
о памятниках-Ильичах,
а бабушки о мягкой пряже,

а мамы с папами — о том,
как Ельцин был и что потом
случилось [белый шум фигачит],
как снова счастье стало сном,
но не могло и быть иначе.

но я не знаю, что сказать
и кнопку куда нажать,
чтобы, кто надо, прочитали,
а после этого — опять,
но после этого — едва ли.

но я не знаю и молчу,
и ус гусарской свой кручу,
и мыслю: поздно быть гусаром,
и надо заглянуть к врачу,
и страшно становиться старым.

а белый шум стал чёрный шум,
он времени король и кум,
а время — горькая микстура
и хорошо туманит ум,
и вместе с ним — литературу.

сколько женщин было с Блоком,
сколько знали: это он?
Блоку было одиноко
с каждою из них вдвоём.

прозаично всё и грубо,
а поэзия вон там,
где ещё девчонка — Люба,
где ещё мальчишка — сам.

где весь мир — театр, театрик,
где нестрашен царь и Бог.
жизнь была, потом прошла вдруг,
и нет силы сделать вдох.

мобильник старый занемог

но заряжается пока что
привычно всасывает ток
как будто некое лекарство

процент к проценту не спешит
пока что их каких-то восемь
мобильника прескромнен вид
он не грешит многоголосьем

он падал плавал но живёт
и обращается к смартфонам
пятнадцатый пускай мне год
ещё поправлюсь я назло вам

а вы изящны и тонки
но вас по глупости придавят
и не услышите звонки
их на меня перенаправят

дом культуры имени культуры.
кабинеты тихие есть в нём,
пьём там алкогольные микстуры,
а безалкогольные не пьём.

а потом выглядываем явно
мы из кабинетов, вороша
старые бумаги и программы,
нас не замечают сторожа.

затаив дыхание, актёра
слушаем печальный монолог —
как стемнеет, он уходит в город,
в серый дым и нестоличный смог.

дом культуры, будто бы оазис
ты стоишь и не даёшь пропасть,
и невозмутимым видом дразнишь
гопников и городскую власть.

лента новостей, ты — изоленга,
кто там изолировался от
френдов и текущего момента,
и непримечательно живёт?

изоленга все контакты скроет,
потому что безопасно так,
примирая виндус и андроид,
и, возможно, кошек и собак.

телефон моей бабушки

мой отец в списке значится «Игорь»,
я — над ним и зовусь «Игорёк».
телевизор дурное накликал,
но мобильник доставил звонок.

я звоню — но с какой же планеты?
мы не виделись сорок три дня:
карантин, изоляция эта
разделили её и меня.

ей, наверное, пять эмчээсок
за последнее время пришло —
ходит вирус и ветер так резок,
непонятно, какое число.

нужно спать ей, мобильник в чехольчик
уложить, чтобы тоже уснул:
почивать этот гаджет не хочет —
хочет видеть и слышать весну,

чтобы полностью аккумулятор
заряжён был на долгие дни,
но в чехольчик его, в alma mater,
прячет бабушка: спи-отдохни.

Пуцин к Пушкину подъезжает,
всё Михайловское в снегах,
и родная страна — чужая,
и свобода — один лишь прах.

год в историю декабристским
не боясь ничего, войдёт,
Пуцин свидится с другом близким,
Александра к груди прижмёт.

будет утро, и день, и вечер,
будет хлопать легко клико,
будет с Пуциным Пушкин светел,
будет взмахивать он рукой,

позабыв про свою опалу,
высший свет и невысший свет.
скажет Пуцин, что горя мало,
скажет Пушкин, что горя нет.

правило хорошей литературной страницы
выставлять не каждый чих а чих через раз
сопровождать это словами ребята ставить хэштеги
но всё это умеренно без сильной назойливости

правило плохой литературной страницы

выставлять каждый чих и стараться чихать почаще
сопровождать это выкладыванием фото дипломов
с конкурсов на звание лучшего поэта округа

правило моей литературной страницы
быть обычной страницей с музыкой и видео
редко обновляться не заниматься пиаром
у меня есть 10 человек что читают и ладно

но меня раздражают почти все литературные страницы
хорошие меньше плохие больше во всём читается чужое я
в девятистах друзьях читается я и в тысяче подписчиков
я устану на это смотреть и снова включу Dire Straits

вот Игори в советских фильмах,
вот их палитра: мягких от
до чересчур любвеобильных,
но нет крестьян и нет господ.

вот это княжеское имя
непопулярно при царях,
зато в шестидесятых, в дыме
табачном Игорь при делах.

зато он выбрит, в водолазке
и в здравый смысл он верит — не
в рассказанные тихо сказки
старухой о старине.

зато красотки ждут, когда же
тот самый Игорь позвонит,
волнующее что-то скажет,
хорошее проговорит.

спортсмен, художник или скульптор,
завлаб он или инженер —
красоток карты взял и спутал,
вернулся, видимо, к жене.

я публичности не люблю
но люблю приглушённый свет
и мобильник простой куплю
для невыхода в интернет

в интернете вот это всё
надоело до тошноты
жил в оффлайне всю жизнь Басё
проживёшь может быть и ты

месяц выдержу или два
хоть с чего да хоть с утюга

я зайду в интернет слова
выбрав для поисковика

гугл обрадуется пришёл
обновится до актуаль
в уютге интернет тяжёл
и горяч значит остывай

сам я тоже остыну но
позже этих полночных строк
станет тихо потом темно
ошибиться бы кто помог

появилось слово «сексапил» —
это удивительно — при Сталине,
а потом Хрущёв его забыл
или засекретил он пристанище

слова «сексапил». пришло оно
из Америки ли, из Британии,
прыгнуло в советское кино
юмора и самообладания.

только жизнь назвать совсем нельзя
копией того кинематографа,
где горою за тебя друзья
и не думая положат головы,

где поют, как будто бы в Большом,
городов и сёл привольных жители,
где наказан циник и пижон
комсомольцем скромным, положительным.